

К 80-летию академика РАН С.С. Шварца

П. Л. Горчаковский

ПРОВОЗВЕСТНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

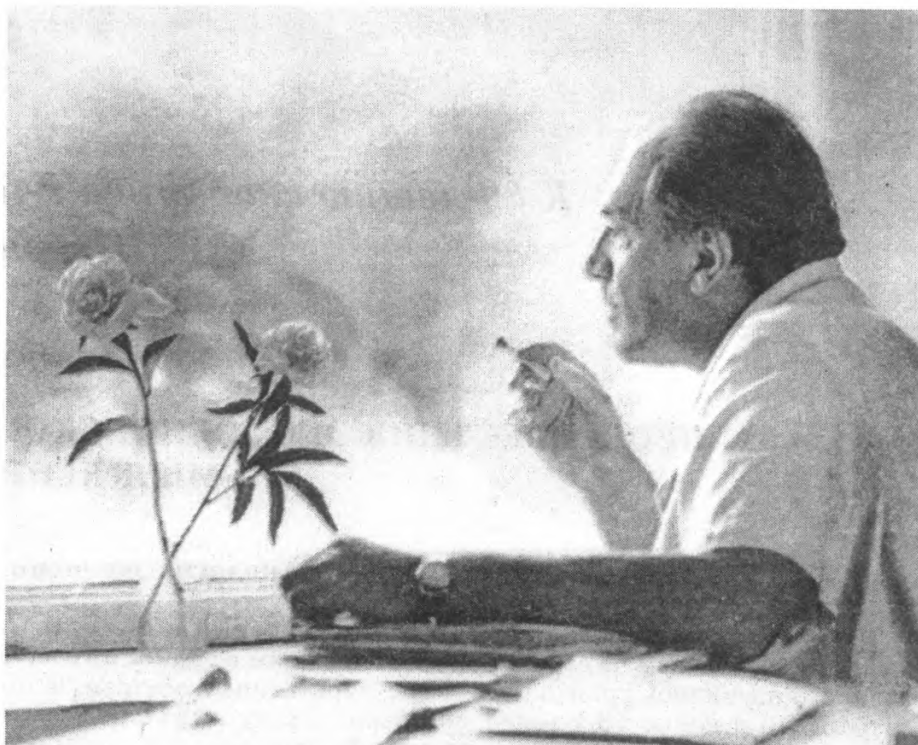
Апология экологии

Теперь слово «экология» вошло в повседневный обиход, мы его ежедневно встречаем на страницах газет, слышим в радио- и телепередачах, его научились произносить и государственные деятели, и домохозяйки. Но в конце 50-х годов оно было в ходу лишь среди узкого круга специалистов, да и то не все из них считали, что такая наука имеет право на существование. Некоторые чиновники относились к слову «экология» настороженно: не очередное ли это порождение «загнившей западной цивилизации», вроде корпускулярной теории наследственности или кибернетики?

Интеллигентность

С. С. Шварц посвятил свою жизнь разработке теоретических основ экологии, показу ее значения, сфер приложения, ее роли в современном мире. Когда он начинал свою деятельность, эта наука, во всяком случае у нас, была подобна джинну, загнанному в бутылку: время ее всеобщего признания еще не пришло. Своими трудами, всей своей деятельностью Шварц способствовал выработке нового экологического мышления в нашей стране. Пытаясь определить одним словом характерные черты С. С. Шварца как личности, я не нахожу более удачного эпитета: он был интеллигентом в полном и лучшем смысле слова. Это качество не пришло к нему от Бога — он развил, взрастил его в себе, осваивая духовное наследие прошлых поколений, общаясь с интересными людьми, увлеченными, как и он сам, наукой.

В раннем возрасте Станислав Семенович потерял отца. Его мать, работавшая в то время машинисткой, оставшись вдовой с ребенком на

С. С. Шварц. С фотографии 1974 года

руках, приложила все силы, чтобы сын получил хорошее образование. В Ленинградском университете студент Шварц удивлял профессоров тем, что не ограничивался слушанием лекций и чтением учебников, а штудировал в оригинале произведения классиков естествознания. Круг его интересов был очень широк. На протяжении всей своей сознательной жизни он сохранил увлечение философией. Свободно владел немецким языком, неплохо знал английский и французский. Интересовался живописью, художественной литературой, историей.

На протяжении многих лет, не гнушаясь черновой работы, С. С. Шварц был исправным сотрудником реферативного журнала. Через его руки проходил огромный поток научной литературы. Он всегда был в курсе всех новинок и брал на вооружение достижения мировой науки, подхватывая новые идеи и обогащая арсенал фактических данных.

Однако настоящая интеллигентность — не только эрудиция, она не ограничивается обширным запасом знаний. Это одновременно и бескомпромиссность в отстаивании истины, недопустимость сделок с совестью. Случилось так, что однажды судьба неожиданно столкнула С.С. Шварца с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, который в те годы еще не был легендарным «Зубром», прославленным в книге Даниила Гранина. В глазах общественности Н. В. Тимофеев-Ресовский был человеком с сомнительной, а для некоторых даже и запятнанной репутацией, не-

возвращенец, работавший в фашистской Германии, отбывавший наказание в исправительно-трудовом лагере. Крылатая фраза «у нас зря не сажают» в то время еще для многих оставалась аксиомой. И вот в 1955 году «Зубр», проработавший в течение нескольких лет на закрытом объекте, был переведен вместе с группой сотрудников в Институт биологии под начальство Шварца. Как должен был относиться к нему еще молодой и недостаточно опытный директор института, только начинавший свою административную карьеру?

Нельзя забывать об обстановке того времени. Зловещая тень Трофима Лысенко, шарлатана с высокими академическими званиями и огромным количеством правительственных наград, еще нависала над биологической наукой всей страны. Шварц не мог не помнить печальную судьбу одного из своих предшественников на директорском посту, основателя Института биологии УФАН, замечательного ученого и организатора науки профессора Василия Ивановича Патрушева. После пресловутой «августовской сессии» ВАСХНИЛ 1948 году Патрушев был заклеимен «вейсманистом-морганистом», снят с должности директора, долго находился без работы. Это потрясение подорвало его здоровье. Какую позицию следовало занять молодому директору по отношению к «Зубру», которого справедливо считали одним из основоположников классической генетики и несправедливо — чуть ли не изменником Родины? Ведь он был в свое время на дружеской ноге с «самим» Морганом и «самим» Добжанским, апостолами хромосомной теории наследственности, о чем свидетельствовали групповые снимки, которые он охотно всем показывал. Тимофеев вел себя в институте, да и за его пределами, совершенно независимо, часто выступал на ученых советах в своей оригинальной манере, где изящество формулировок и сложная «западная» научная терминология удивительным образом сочетались с чисто русским чертыханием. Он, не стеснясь, открыто называл «учение» Лысенко «невероятной чепухой».

С. С. Шварц сразу же распознал в «Зубре» крупнейшего, оригинального мыслящего, принципиального ученого. Он знал, чем рискует, но, проявив большое гражданское мужество, не только не притеснял Тимофеева-Ресовского, не одергивал его во время публичных выступлений, но и создал ему прекрасные условия для работы, буквально «тепличную обстановку», защищал его от нападок. Работая в институте Шварца, Тимофеев, не имевший даже документа о высшем образовании, заведовал лабораторией, руководил подготовкой аспирантов, редактировал и выпускал сборники трудов, организовывал в Миассово знаменитые коллоквиумы («трёпы», по его терминологии), куда съезжались из разных научных центров приверженцы настоящей науки, разъезжал по стране, выступая с лекциями в Душанбе, Ереване и Москве, преподавал в Уральском госуниверситете. Все это было возможно лишь при активной поддержке со стороны Шварца. Он же помог Тимофееву, преодолев массу «рогаток и препон», защитить по совокупности работ в своем же институте докторскую диссертацию, причем защита превратилась, по словам одного из оппонентов, академика Л. А. Зенкевича, в подлинный «праздник науки».

Все это произошло лишь потому, что Шварц ценил ученых по их собственным заслугам, отмечая какие-либо конъюнктурные соображе-

ния. Этот же принцип он применял при комплектовании руководящего костяка института — заведующих лабораториями, подобрав на эти должности специалистов, способных возглавлять конкретные научные направления.

Гуманизм

Жизненный путь С. С. Шварца не был усыпан розами, немало встречалось на нем булыжников и колдобин.

В самом начале Великой Отечественной войны, в 1941 г., он ушел из Ленинграда добровольцем на фронт, был ранен, провел в осажденном городе часть периода блокады, видел разрушения, страдания людей. Может быть, именно поэтому в каждом сотруднике он видел не просто «винтик» в служебном механизме, но живого человека с его невзгодами и радостями, достоинствами и недостатками. Как руководитель учреждения Шварц был демократичен и доступен, к нему обращались все, независимо от звания и положения как по служебным, так и личным делам. Во время субботников (а их было немало — многие сооружения на территории института были воздвигнуты силами сотрудников) Станислав Семенович трудился вместе со всеми, в простой рабочей одежде, с лопатой или носилками в руках.

Он не терпел склок и клаяуз. Возникавшие иногда неполадки старался разрешить в самом зародыше, не давая им перерасти в конфликты, способные парализовать работу целых лабораторий. В этом отношении он служил примером для своих помощников и заместителей, и они сознательно или подсознательно ему следовали.

Шварц культивировал в руководимом им институте атмосферу демократизма, доброжелательности, взаимного уважения и поддержки. Сплоченность, творческий климат во многом определили успех работы коллектива.

Будучи тонким психологом, Шварц хорошо разбирался в людях и умел каждому сотруднику найти наиболее подходящее место в коллективе, где бы полнее раскрылись его способности. Пушкин писал: «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань». Но в «колеснице» Шварца, умело им управляемой, были и кони, и трепетные лани, кроты, верблюды и олени, и даже орлы, стремящиеся к заоблачным высотам. И все они делали полезное дело, не создавая помех друг другу. Станислав Семенович часто повторял девиз своего учителя, профессора П. В. Терентьева: «Работай сам и не мешай работать другим». Он был великим тружеником.

Принципиальность

В истории любой науки неизбежно наступают такие моменты, когда после длительного накопления фактов создаются предпосылки для их обобщения. В это время, как принято говорить, идеи «витают в воздухе» — стоит протянуть руку, и их можно схватить (впрочем, все-таки нужно знать, когда и как это следует делать). Так произошло в начале 60-х годов с тогда еще новым, а теперь уже ставшим тривиальным научным представлением. Как-то С. С. Шварцу вместе с одним сотруд-

ником (назову его условно Л. С.) пришлось писать письмо в Академию наук по поводу структурных изменений в институте. И вот тогда-то они включили в письмо фразу о том, что в природе можно выделить несколько уровней организации живого. Л. С., не отличавшийся чрезмерной скромностью, захлебываясь от восторга и самоупоения, стал рассказывать на заседании ученого совета, как ему и Станиславу Семеновичу (по его словам, трудно сказать, кому из них первому, может быть, обоим одновременно) пришла в голову эта замечательная мысль. Но как раз в эти дни мне представился случай получить из Института научной информации для реферирования ксерокопию статьи одного американского ученого, опубликованную на английском языке, которая так и называлась: «Концепция уровней интеграции в биологии». В ней с предельной ясностью развивалась идея о том, что в природе существует своеобразная иерархия уровней интеграции (организации) живого: молекулярный, организменный, популяционный, биоценотический. Когда я сказал об этом Л. С. и предложил ему ознакомиться с этой статьей, он страшно рассердился. Заявил, что статья его совсем не интересует, и он знать не хочет ни статью, ни ее автора. Реакция Шварца была иной: он попросил дать ему статью, внимательно ее прочитал, и на другой день, с улыбкой вернув ее мне, сказал: «Это чистейший плагиат!» (имея в виду, что вопрос разработан до него и Л. С. и об их авторстве речи быть не может). После этого Л. С. никогда больше не упоминал об уровнях организации живого. А Станислав Семенович, напротив, взял эту концепцию на вооружение, развивал и пропагандировал ее как в своих трудах, так и в выступлениях. Эта совершенно различная реакция двух ученых на одно и то же событие характеризует еще одну из отличительных особенностей С. С. Шварца и вызывает к нему глубочайшее уважение. Ему было чуждо зазнайство, и в научных делах он был строго объективен. Впрочем, у него было достаточно личных заслуг, чтобы не приписывать себе чужие открытия.

Его детище

Шварц унаследовал от своих предшественников научный коллектив довольно неопределенного профиля. Формально он назывался Институтом биологии УФАН СССР. Но в то же время кавалерийские налеты и разгромы в духе «мичуринского учения» следовали один за другим. Менялись руководители. Каждый «уважающий себя» начальник, ничего не понимая в биологии, считал своим долгом дать «ценные указания» о перестройке работы. Многочисленные комиссии, в большинстве случаев некомпетентные, приходили к противоречивым и часто взаимоисключающим друг друга решениям. Коллектив шарахался из стороны в сторону, не понимая, почему его вдруг заставляют заниматься то раздоем телок (чтобы они, позднее став коровами, давали больше молока), то борьбой с сорняками на колхозных полях. Не отставали и журналисты. В областной газете появилась разгромная статья об институте под названием «Пустоцвет». Станислав Семенович с горечью рассказывал о том, как журналисты, посещая, скажем, Институт ядерной физики, уходят оттуда, ничего не поняв, а потом пишут восторженные статьи, насколько, видите ли, сложны эти проблемы, что не-

подготовленному человеку в них не разобраться. Но когда они посещают биологическое учреждение и уходят, что-нибудь не поняв, они разыгрывают благородное возмущение: вот подумайте только, здесь занимаются какими-то заумными, непонятными проблемами, оторванными от жизни. В то время, с легкой руки Лысенко, почти каждый считал себя способным если уж не разбираться в биологических проблемах, то, во всяком случае, давать указания по этому поводу.

Став директором, Шварц принял смелое решение модернизировать институт, сделать его настоящим академическим учреждением. Он понимал значение теории, необходимость развития фундаментальных исследований. Глядя вперед по меньшей мере на 20 лет, он обосновал и внес предложение о придании институту строго определенного экологического направления. В 1966 году Институт экологии растений и животных был формально утвержден. Это было первое в стране научное учреждение такого профиля.

Коллектив института в то время насчитывал всего лишь 58 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 19 кандидатов наук. Он размещался в одном небольшом двухэтажном здании и нескольких домиках барачного типа. Сам Шварц сначала не имел даже отдельного кабинета, он сидел в небольшой комнате вместе со своим заместителем В. Н. Павлиным. Но уже в то время Шварц и его институт стали центром интеллектуального притяжения и формирования экологических идей. Интересно проходили заседания ученых советов, научные собрания, защиты диссертаций, совещания. Сюда охотно приезжали видные экологи из Москвы и Ленинграда: академик Л. А. Зенкевич, профессора Н. П. Наумов, В. И. Цалкин, А. Г. Банников и ученые из других научных центров страны.

С большим энтузиазмом принял Шварц Международную биологическую программу. Она была в основном экологической, и институт активно включился в ее разработку. Исследования проводились главным образом на стационаре «Харп», причем они способствовали концентрации усилий всего коллектива на решении одной крупной задачи, выработке общих методических подходов. В 1971 году вместе с С. С. Шварцем на Международном симпозиуме в Ленинграде с докладами выступили и ведущие ученые института. Участники симпозиума, в том числе известные зарубежные биологи Л. Блисс, Ф. Виелголаски, Т. Росвал, высоко оценили вклад Института экологии УФАН в разработку международной программы. Яркий след оставил также и проведенный в Свердловске в 1970 году симпозиум «Продуктивность биогенезов Субарктики».

Так институт, еще не располагавший достаточной материальной базой, благодаря энергии С. С. Шварца и всего коллектива, быстро завоевал всесоюзное и международное признание, закрепил свои позиции в научном мире.

Журнал

Мечтой С. С. Шварца было создать не только институт, но и постоянный печатный орган всесоюзного значения.

В 1970 г. в результате больших усилий и при поддержке всей научной общественности страны официально учреждается новый академический журнал «Экология». Его главным редактором был назначен С.С. Шварц, остававшийся на этом посту до последнего дня своей жизни. Журнал быстро завоевал всеобщее признание. С первого же номера и до настоящего времени он переводится на английский язык в США.

Журнал «Экология», несомненно, способствует прогрессу бурно развивающейся науки о биосфере, взаимоотношениях человеческого общества с природой и является знаменосцем борьбы за выживание человечества.

Институт сегодня

Основанный С. С. Шварцем институт превратился в крупное научное учреждение всероссийского и мирового значения. В его составе 13 лабораторий, 2 академика, 1 член-корреспондент РАН, 24 доктора и 77 кандидатов наук. В лабораториях трудятся ученики и соратники С. С. Шварца — В. Н. Большаков, П. Л. Горчаковский, Л. Н. Добринский, В. Г. Ищенко, В.С. Смирнов, Л. М. Сюзюмова, О. А. Пястолова, Н. В. Куликов и др. Кроме того, из института выделился в самостоятельное учреждение Ботанический сад УрО РАН во главе с С. А. Мамаевым. Многие молодые сотрудники в своей работе опираются на научное наследие С. С. Шварца, его идеи. Созданная С. С. Шварцем атмосфера творчества, научного поиска, сотрудничества и доброжелательности сохранилась в институте и служит залогом новых успехов коллектива.

Л. Я. Топоркова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В 1948 году, в начале учебных занятий на биофаке в группе зоологов, в аудиторию вошел высокий мужчина, несколько нескладный, в солдатской гимнастерке, с сияющими глазами. Он представился: «Станислав Семенович Шварц, буду читать экологию животных». Лекции были очень интересными, и мы с нетерпением ждали следующей. Станислав Семенович беседовал со студентами и вне лекций, рассказывал о научной работе своей лаборатории. В конце курса весной он пригласил желающих принять участие в экспедиции. Откликнулись трое: В. Пюишка выразила желание заниматься птицами, М. Старцева — грызунами, я — лягушками.

До 1975 года Станислав Семенович продолжал читать лекции на кафедре зоологии УрГУ. Он просил ставить в расписании его лекции в первые часы, приходил рано. Садился в кресло перед столом Н. Н. Данилова и начиналась беседа. К этому времени собирались многие преподаватели кафедры, чтобы послушать рассказы о симпозиумах, конференциях, новом в науке. Встречи эти остались в памяти до сих пор.